

Ракушка-жемчуг

Только что в Череповце закончился первый всесоюзный фестиваль «Рок-Акустика». Организаторы – Молодежный Центр металлургического комбината (директор В. Кулешов) и Рок-клуб (президент Е. Колесов). Спонсор – НТТМ «Гермес».

На свет роскошной идеи слетелись журналисты со всей страны – в основном представители независимой прессы.

А идея действительно роскошная.

Рок-музыка в нашей стране просачивалась сквозь необычные отверстия и приняла своеобразную, нетипичную для Запада форму. В годы тотального запрещения рок-концертов «голь» исхитрилась и стала играть в квартирах, где мощная электрическая аппаратура вряд ли бы доставила радость соседям – разве что после вмешательства органов правопорядка. Добавьте сюда извечную русскую любовь к звучащему слову, традиции «бардов» и отсутствие самых необходимых инструментов – и налицо условия для роста крепкой акустической ветви. Сегодня многие склонны искать в акустике специфически отечественный путь развития и панацею от кризиса.

Переплетающиеся буквы фестивальной эмблемы образовали вензель «Ракустика». Ракушка. Не пора ли снова сомкнуть створки?

Вернувшись из Череповца, я пришла к твердому убеждению: в кризисе не жанр, а отдельные его представители, спивающиеся (что можно понять и простить) и продающиеся (к ним отношусь жестче). Во всяком случае, за три дня я увидела многих, на кого кризис не распространяется.

Сознательно обделяя музыкантов, читателей и самое себя, останавливаюсь на трех по-разному сильных впечатлениях.

Сергей Селюнин, Силя – личность уникальная. Один из первых музыкантов нашей «новой волны», лидер группы Выход, претендовавший в начале 80-х на место четвертого «мушкетера» в блистательном поединке АКВАРИУМА, ЗООПАРКА и КИНО с серой гвардией музыкального официоза.

Сегодня, отказавшись от участия в азартной игре «Зашиби бабки!», Силя появляется на сцене от силы раз в год. А между тем это едва ли не самый «рок-н-рольный» человек нашей необъятной Родины. Он музыкален так, как бывают музыкальны разве что чернокожие исполнители. Умен, ироничен, интеллигентен.

Герой его песни вдохновенно и непринужденно рубит топором прекрасную картину: «В наш атомный век есть дела поважнее...» Может быть, и есть (что сомнительно), но это что – повод топором махать? Ах, как играет стертым лозунговым словом, как подманивает его к самоуничтожению длинный застенчивый Силя – осунувшийся «изысканный жираф» с гумилевского озера Чад...

Силя – самое светлое впечатление фестиваля. Самое темное и страшное – появление владивостокской группы КОБА во главе с Ником

Рок-н-Роллом. Ни одному человеку я не желала бы это увидеть. Это не культура и не бескультурие, не эстетика и не антиэстетика. Не рок-н-ролл, а пляска смерти: по-настоящему, без пощады. Такое ощущение, что она – страшная беременная старуха средневековых гравюр – сама приплясывает за спинами КОБЫ, заставляет одержимых ею музыкантов полосовать руки лезвиями, смотрит в зал их безумными глазами: «Веселись, старуха, весели старика, Советская власть намяла бока». Было жутко. Я постепенно осознавала, что гениальное пушкинское: «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья...» – или совсем неправда, или на меня не распространяется. Увольте.

Перед этим была едкая злость на музыкантов, сыплющих словами «Бог», «Иисус», «храм». Только что твердилось: «Негоже поминать все». А сейчас, глядя на сцену, чуть не вслух шепчу: «Господи, спаси их». А меня, неверующую, спасает Янка – Яна Дягилева. Простоволосая, рыжая, крепенькая сибирячка с растерянно-беззащитными глазами, – пожалуй, самое хрупкое и драгоценное, что у нас есть. Когда-то Саша Башлачев объяснял мне, почему не хочет больше петь свои песни. «Они лежали на столе. Их мог взять кто угодно. Скорее всего, – женщина. А взял я. Я украл. У женщины украл...» Все это казалось очередной «телегой» – странностью, когда Саша был жив. Янка тогда уже пела, – никому не известная. Но для нас, узнавших ее после сашиной смерти, вышло так: он положил песню обратно. Она – взяла.

*А мы пойдем с тобой, погуляем по трамвайным рельсам
Посидим на трубах у начала кольцевой дороги
Нашим теплым ветром будет черный дым трубы завода,
Путеводною звездой будет желтая тарелка светофора
Если нам удастся, мы до ночи не вернемся в клетку
Мы должны уметь в одну секунду * зарываться в землю,
Чтоб остаться там лежать, когда по нам проедут серые машины,
И возьмем с собою ** тех, кто не умел и не хотел в грязи валяться
Нас убьют за то, что мы гуляли по трамвайным рельсам
Нас убьют за то, что мы с тобой гуляли по трамвайным рельсам.*

Янка ни в коем случае не версия Башлачева, это его «бабья» песня. Ее баллады насквозь, навывлет трагичны. «Нас убьют за то, что мы с тобой гуляли по трамвайным рельсам».

Янка оплакивает живых. Но Янка – женщина, и Жизнь – женщина. И пока она поет, мы будем живы.

Мои друзья говорят: «Знаешь про Янку, – молчи об этом». Я их понимаю: опять налетят наши купчики, станут трясти хоть «деревянными», да большими рублями, опять повалят на концерты люди, которым не нужна Янка с ее песнями, а надо говорить, что «был, видел» – ан еще один человечек пропал. Но я считаю так: раз в этой стране все еще появляется что-то живое, настоящее – люди должны знать. И еще я надеюсь, что Яночку голыми руками и тугими кошельками не взять.

Очень верю.

Марина Тимашева, «Экран и Сцена» (Москва) №5, 01.02.1990

* - У Янки - "Мы должны уметь за две секунды зарываться в землю"

** - У Янки - "Увозя с собою тех кто не умел и не хотел в грязи валяться"

[ВЕРНУТЬСЯ НАЗАД](#)